

КАЗАЧЕСТВО И ВЛАСТЬ (взаимодействие и сотрудничество)

Гурковский Василий Андреевич
Казачий полковник
Советник Атамана Черноморского
Казачьего Войска по сельскому хозяйству

Выступление (тезисы)

На научно-практической конференции «Казачество на современном этапе и его участие в решении проблем, стоящих перед государством», посвященной 20-летию Общероссийской организации «Союз Казаков».

Тема выступления: КАЗАЧЕСТВО И ВЛАСТЬ (взаимодействие и сотрудничество).

Из всех сословий в бывшей царской России наибольшим вниманием исследователей, как отечественных, так и зарубежных, как современников эволюции данного направления общественного развития, так и в последующие десятки и сотни лет, пользовалось и пользуется казачество. Казачество, именно как сословие, и как заметное явление в российской, да и мировой истории вообще.

Не каждую общественную группу людей можно было считать сословием – под эту категорию подходили только те из них, права и обязанности которых четко определялись соответствующими законами, выделяющими сословия из прочих групп.

История возникновения и довольно продолжительное существование сословий в России подтверждают, что их признание властью, закрепленное в нормативных правовых документах, хотя и было определяющим, но не единственным условием. Немаловажным, а в период становления каждого сословия определяющим фактором – было осознание убежденной причастности людей к той или иной общественной группе (касте), вне которой они себя не представляли.

Заявления членов отдельных сословий, типа «Я – купец!», «Я – казак!» или «Я – священник!», в те времена не были пустым звуком, а выражали согласие, веру, надежду, гордость и другие возвышенные определения по отношению к своему сословию. Человек добровольно входил в установленные правовые рамки и уже в их границах старался реализовать свои способности и возможности.

Скорее всего, это было неплохо для своего времени, так как сословные принципы способствовали более наглядному развитию таких понятий, как достоинство, честь, рациональность, а для казаков – вера, верность, отвага, беззаветная преданность Родине, в лице ее государственной власти. Подчеркнем здесь – казаков, как структурного сословия. Появлению и утверждению казачества как сословия, предшествовали долгие времена взаимного непонимания и неприятия во взаимоотношениях «казачество-власть». Были и восстания казаков, и их подавления властью, были и другие репрессивные меры со стороны власти. Все это продолжалось до тех пор, пока власть (царская) не оценила, наконец, достоинств казачьего движения и сумела это, по началу сверхвольное и неуправляемое течение, привлечь на свою сторону. Ни в одной стране мира казаки, в том качестве, в котором они были в России, не появлялись. Именно из-за особенностей

российского государства, даже чисто географически-территориально. Если вспомнить протяженность российских границ и количество проживающего тогда в стране населения, то без особых расчетов можно сказать: чтобы охранять границы (только), надо было задействовать около трети населения, да еще в постоянной ротации.

Именно казачьи поселения, практически по всей южной границе, надежно прикрыли государство от внешних набегов и нашествий. Мало того, что казаки несли службу на границе - они всегда были готовы, по военным меркам – мгновенно, выставить заранее определенное количество строевых, обученных, снаряженных казаков. К началу революционных действий в 1917 году, взаимоотношения казачества и власти определенным образом сложились и устоялись. Причем действующий порядок взаимоотношений устраивал обе стороны. Власть нашла рычаги и способы поставить казаков себе на службу, казачество, в свою очередь, устраивало отношение власти к нему по основным жизнеопределяющим понятиям. Хотя казаки никогда власть не любили, а власть взаимно отвечала тем же, но была найдена симбиозная основа совместного сосуществования. Обе стороны поняли, что нужны друг другу и старались поддерживать и совершенствовать свои взаимоотношения. Казаки убедились, что власть – таки хозяин в стране, а идти против власти – это путь на уничтожение казачества как такового, поэтому смирились и сложившаяся система их тоже устраивала. Однако, после революционных событий 1917 года, затем гражданской войны, все сословия были ликвидированы, в том числе казачество и с особой жестокостью, как оплот монархии. Власть не только отмежевалась от казачества, но и поставила на нем крест как на антисоветской прослойке. О казаках искусственно забыли, но не надолго. До того времени, пока «не прижало» под Москвой в 1941 году. Повторилось то, что уже было не раз в российской истории – и в 1613 году, и при Петре первом, и при Екатерине Второй. Вспомнили о казаках как о государственныхниках. Опять слово «казак» было у многих на устах. Казаки во время Великой отечественной войны, как и в прежние времена, проявляли самоотверженное мужество и героизм. Их славили в военных сводках, воспевали в песнях и книгах. Но прошла война, сняли добрую комедию «Кубанские казаки», и опять про казаков забыли. Снова они не «вписывались» в мирную уже жизнь, хотя и оставались теми же преданными государственныхниками. Кого-то, видимо, это не устраивало. Казацкие традиции кое-как и кое-где соблюдались на бытовом уровне. А казачью форму можно было увидеть только в кино или театре. Так продолжалось до тех пор, пока не пришла, как говорят сегодня, «настоящая» демократия вместо демократии советской.

Начали ускоренно возрождаться отдельные традиции и организовываться ликвидированные в прошлом некоторые общественные и другие формирования. Не обошли процессы возрождения и наше родное бывшее сословие – казачество.

Девиз «За веру, царя и Отечество» всегда оставался определяющим для казаков. Потом он трансформировался в более упрощенный, но столь же емкий по содержанию – «За веру и верность», выражающий верность не кому-то лично, а Отечеству.

Вопрос с казачеством мог бы быть разрешен и в советское время. Ведь если тому же дворянскому сословию нужна монархия, чтобы снова занять господствующее положение в государстве, по принадлежности к касте «голубых кровей» и «белой кости», то для возрождения казачества форма государственного устройства и система правления роли не играли. Главным было наличие взаимного интереса – у государства (читай власти) и казачества.

За несколько веков отлаженных контактов с российской властью казачье сообщество,

почти на генном уровне, из поколения в поколение было запрограммировано на то, что казакам без государства ни жить, ни выживать – не получится. А каждый казак в отдельности впитывал это с молоком матери. Ведь иначе – ежедневно и постоянно конфликты с властью, и обязательное, в итоге, – поражение. Жить под государством – это война, но только тогда, когда это надо государству, ведь войны развязываются не так часто, да и совсем по-иному себя чувствуешь, когда за спиной стоит такое могучее государство, как Россия.

В начале девяностых, начались попытки даже не переосмысления, а пересмотра некоторых моментов российской-советской истории. Потекли обращения всех когда-то чем-то ущемленные и обиженных к новому руководству России, с требованиями восстановления, возмещения, реабилитации и возрождения, в том числе и российского казачества. Новая российская власть (при существующем еще Союзе), чтобы не создавать ненужных инцидентов, не возражала против чего угодно, лишь бы оно шло в пику действующей союзной власти и не мешало новой российской власти решать нужные ей вопросы.

Среди казаков были разные люди. Часть, очень небольшая – те, кто выжил после судов и репрессий, престарелые обиженные казаки, другая часть – дети и внуки как репрессированных, так и не репрессированных, третьи были просто сочувствующими казачеству, такие тоже всегда находятся. Наиболее обиженные или более эмоциональные, или даже авантюрные, представители казачества в тот период надеялись, что советская власть рухнет, «коммуняки» уйдут, а казаки будут реабилитированы, восстановлены в старых правах, каких-либо привилегиях, что-то вернут, что-то добавят, и жить им станет гораздо лучше.

Но в основном были ратующие за объединение во славу России.

Усилиями потомственных казаков-инициаторов в июне 1990 года в Москве собрался Большой казачий круг, на котором была учреждена абсолютно новая общественная организация – Союз казаков России. На этом круге все древние казачьи обряды и обычаи были соблюдены. Как положено, избрали Верховного Атамана, Правление, Совет стариков, утвердили необходимые организационные документы, получили освящение всех действий в храме Рождества матери Пресвятой Богородицы, воздвигнутом князем Дмитрием Донским в честь победы над ордами хана Мамаю.

Проведение круга стало знаменательным событием – как для российских казаков, так и для всего государства, тогда еще СССР. Миру явилось действительно что-то необычное, но до боли знакомое. Волна казачьего возрождения и самоутверждения прокатилась по всей стране и даже за ее пределами. Казачьи общины начали появляться не только в местах традиционного проживания казаков, но даже в самых неожиданных, например, возникло землячество казаков в Таджикистане.

Вопрос возрождения казачества стал как бы общенациональной нормой.

Был спешно принят ряд нормативных актов (Российских) – о жертвах политических репрессий, о реабилитации казачества, затем две правительственных концепции – о государственной политике в отношении казачества (в 1994 и 2008 гг.), о государственной (реестровой) службе казаков, и др. Эти, принятые в спешке правовые акты, в принципе, так на бумаге и остались, ибо не определяли главного во взаимоотношениях власти и казачества – места казачества как идейно-государственной опоры.

Что положительного произошло за два десятилетия, применительно к обсуждаемой нами теме взаимоотношений казачества и власти? А в этом плане ничего нового не наработано.

В низах, да, что-то делается – сформированы войска и отдельные приравненные к ним объединения, идет большая работа в казачьих общинах по воспитанию подрастающего поколения, подготовке к военной службе, проводятся культурно-массовые и спортивные мероприятия, форумы по пропаганде истории России и ее казачества, решаются многие другие вопросы. Казаки даже щеголяют в форме своих войск и носят традиционное холодное оружие. Но. Цельной общегосударственной казачьей системы в России с 1990 года как не было, так и нет. И это отношение началось с первых дней оформления казачества еще в роли общественной организации.

Казалось бы, не надо никому объяснять, что все многосотенные, не по составу, а по количественной регистрации, партии, движения, всевозможные союзы и общества, кем бы они не финансировались и продвигались, имеют перед собой одну главную цель – через любые каналы, любыми средствами улучшить благосостояние своих членов. Все они вместе взятые, в плане ценности для российской истории, не сравнимы, просто полярны по значению, с казачьим движением, казачьим явлением, не только в российской, но и мировой истории. На знамени казаков, повторяю, православная вера и российское Отечество. Значит, и духовенству православному, к девяностым годам уже вышедшему из полуподполья, можно было сразу протянуть руку своим верным крестоносцам-казакам, да и к государству апеллировать тоже. Но дело с признанием казачества в начальный период оказалось совсем не простым. Забожались все, что ли.

Что говорить о духовенстве на местах – когда, чтобы освятить исторический учредительный Большой казачий Круг в Москве, летом 1990 года, пришлось упрашивать настоятелей многих церквей – в пяти боязненно отказали и лишь в шестой согласились. А ведь решение о созыве Круга не появилось спонтанно – ему предшествовала длительная подготовительная работа, практически в большинстве регионов России. Большой казачий Круг как бы венчал всю организационную работу, и, естественно, духовенство, в том числе, высшее, об этом знало. Видимо, здесь дело было не в вере, а в людях, и, наверняка, не обошлось без вмешательства перестраховывающейся власти.

Вторым после веры символом на знамени казаков идет верность – верность Отечеству, естественно, в лице государственной власти. Но власть тоже очень настороженно встретила воскрешение из небытия казачества, причем в первые пару лет еще бывшая советская, и настороженность ее вполне объяснялась по сути. Но потом отмежевалась и новая, что трудно объяснимо, и тоже по сути.

То, что за 20 лет власть по-настоящему так и не определились, как же ей быть с казачеством в новых условиях, лишь подтверждает до сих пор существующую неопределенность.

А может, казаки заняли неверную позицию в том переломном 1991 году? Может быть, встань миллионное казачество на сторону бывшей власти, все было бы по-другому? И не распался бы Союз, и не остались бы изгоями, волею злого рока, в других уже государствах многие тысячи братьев- казаков, бывших российских? И не повторили ли казаки своим «нейтралитетом» в 1991 году ошибку, ставшую прецедентом еще в период правления Бориса Годунова? Тогда они поддержали польского ставленника Лжедмитрия I и помогли ему взойти на московский престол. Слава Богу, тогда они быстро поняли, что ошиблись, и уже вместе с народным ополчением выгнали поляков из Москвы, усердно способствуя воцарению в 1613 году нового царя Михаила Романова...

В тот период истории казаки довольно ярко означили свое появление на политической арене России. Власть тогда уже поняла, что с такой организованной силой, как казачество,

надо считаться и любым способом стараться наладить с ним достойные для власти взаимоотношения. Собственно, это и делалось в последующие времена.

«Нейтралитет» казаков в смутное время 1991 года можно объяснить, в первую очередь, устойчиво наследственным недовольством казаков всех возрастов советской властью, которая официально уничтожила именно казачество. Ведь, по большому счету, казаков уничтожали не ради высоких коммунистических идеалов, а именно потому, что они на убежденно-идейном уровне поддерживали государственную монархию. Это было главным, как уже было сказано, так как при «чистой» монархии гораздо сложнее пробраться в любой уровень власти, чем при демократии. Это хорошо понимали те, кто уничтожал казачество в 20-ые годы.

Хотя, в принципе, даже за то, что казачество не поддержало советскую власть и не выступило единым фронтом против «реформаторов», новая власть должна была обратить внимание на эту мощную прогосударственную силу в России, которая уже своим невмешательством помогла прийти к власти в стране «демократическим» силам. Обратить внимание как на потенциального союзника, на которого сразу можно опереться в намечаемых государственных, экономических и социальных реформах-преобразованиях, и, в соответствии с этим, строить с казачеством дальнейшие взаимоотношения. Но, к сожалению, первые лидеры новой российской власти не заметили чаяний казаков, как людей с государственным идеологическим стержнем, которые, в отличие от других движений, желают подставить плечо государству добровольно, в обмен на достойное внимание, и все.

А ведь именно российской власти, при всех сложившихся российских обстоятельствах, необходимо постоянно опираться на какую-то стабильную, т.е. постоянную, прогосударственную силу, на которую всегда можно положиться в любом деле – хозяйственном, политическом и даже военном.

Если такой силы нет, ее необходимо вырастить. А если она уже есть? Значит, надо к ней более пристально присмотреться, изучить ее суть и возможности и постараться использовать исключительно для блага России. Может, где-то в чем-то подправить, но не бросаться таким достоянием, как казачество.

За прошедшее после 1990 года время, как было уже сказано, принято две концепции по отношению власти к российскому казачеству. Но это, в лучшем случае, что-то вроде протокола о намерениях, и не больше. Все эти годы готовился и неоднократно пробивался на свет проект «Закона о казачестве», но так и не пробился. Не был найден компромисс между казачеством и властью. Возможно, одна сторона, к примеру, казачество, много просила, другая сторона (власть) не могла что-то дать, а что она предлагала, – не принималось казаками. Это вполне нормально, просто нужно было дальше искать и находить приемлемые рациональные согласованные решения.

Когда анализируешь положения концепции, заметно, что те, кто готовил ее, не были озабочены решениями проблем с казачеством в России. Серьезный документ, а смахивает на обычную пролонгированную отписку, чтобы, прикрывшись ею, еще 20 или более лет к этому вопросу не возвращаться. Автор знаком – как с положениями концепции, так и почти со всеми прежними проектными вариантами закона о казачестве. Когда держишь в руках эти документы одновременно – концепции и проекты Закона, – поневоле задумываешься, а кто же стоит за ними и какие интересы ими движут? Что, у нас в России из ранее единого неделимого и верного государству сословия вышли разные казачества? И в эту сферу жизни или среду тоже проникли чуждые и ряженые люди, возвращенные на

конъюнктурных харчах для решения личных или чьих-то заказных вопросов? У казаков должны быть одни определенные властью правила, единая программа действий, направленных на тесную связь с властью и работу на государство. Одна голова во главе всего движения. Это у нас только герб российский с двумя орлиными головами, по известной причине, а над казаками должна быть одна голова и, естественно, светлая. Нет необходимости втягиваться в дискуссию о том, кто в России по нашему сословию главнее – Совет при Президенте по казачеству или Союз казаков России. Одни содержатся властью, естественно, опираются на определенные нормативные акты, но, как показала жизнь, за весь период своего существования так ничего и не сделали, чтобы определить место казачества в России, выстроить четкую организационно-структурную и правовую основы казачьего движения снизу доверху и сверху донизу. Структура под названием «Союз казачьих войск» (ныне Совет) стала обрядово-статистической, аморфной, и сегодня, на наш взгляд, не соответствует роли, под которую ее собственно и создавали. Может быть, инертность данной солидной госструктуры (все-таки Совет при Президенте страны) исходит не от способностей работающих в ней людей, а кроется в отсутствии опорной, законодательно утвержденной системы российского казачества. Но ведь именно эта структура, входящая в коридоры власти, и должна была за все прошедшие годы подготовить работающую нормативно-правовую базу. Но, по неизвестным причинам, не сделала этого, и вряд ли сделает. А теперь вот, эта гора опять родила мышь – в виде очередной никого ни к чему не обязующей Концепции.

Вторая (неудобно даже так говорить) структура – Союз Казаков. Эта организация – общественная, объединяет на добровольной основе большую (абсолютно) часть казаков, зажата рамками общественного объединения и не может обойти или перепрыгнуть при решении многих вопросов тот самый госорган, который назван «Совет при Президенте РФ по вопросам казачества». Поэтому, в общем плане, для казачества в целом тоже не может ничего сделать. Многие проблемные вопросы «тонут» или просто пропадают в перепалках между двумя этими структурами – бесправной, но с казаками (общественной) и правовой, но без казаков (государственной).

Они никогда между собой не договорятся в силу многих причин, а страдает и так многострадальное казачество. Здесь должна вмешаться третья сила, чтобы раз и на долгие времена определиться с казачеством в нашем государстве.

Давайте оставим все межструктурные нестыковки и определимся, что же делать с нашим казачеством вообще. За основу возьмем главную отправную точку: надо ли казачество государству и его власти в нынешних условиях? И при этом отставим в сторону рассуждения о том, что конница в армии утратила ведущую роль, что нет необходимости заставлять тех же казаков справлять для государства, но за свой счет, коня, сбрую, обмундирование в полном комплекте, что сроки военной службы стали минимальными и т.д.

Определиться надо в принципе. Если казачество, как образ жизни, как истинно прогосударственная, естественно пророссийская (ни в одной другой стране мира ничего подобного нет) сила, нужно России и ее власти – значит, есть смысл говорить об этом дальше, если нет – то все эти разговоры ни к чему.

Рассуждаем дальше. Судя по тому, что Президент России Д.А. Медведев подписал Концепцию государственной политики РФ в отношении российского казачества, власть не

против казачества, как такового. Естественно, Президент ожидал и ожидает, что ему кто-то предложит, что же конкретно делать дальше – в нормативном плане, определении места и разумного статуса казачества, чтобы в итоге выстроить работающую систему на пользу государства и в интересах тех самых казаков. Но вряд ли он чего-то дождетя от нынешних его советников – помощников по казачеству. В лучшем случае, лет через 5-10 появится еще одна концепция. Если люди не знают и не чувствуют, что надо сделать, они ничего путного не сделают.

Вопрос с казачеством завис. Как говорится, если государство не влияет на ситуацию – ситуация начинает влиять на государство. Казачество уже есть, и надо учитывать это, как факт. И то, что казаков – миллионы, и что они желают служить России, – тоже надо учитывать. Это не простая организация, втиснутая в обрuchi общественной, в то же время и выпячивающая ее в ущерб другим тоже нельзя. Как же быть? Необходимо неординарное, но устраивающее все стороны решение – и власти, и казаков, и остальное население.

На наш взгляд, было бы правильно поступить следующим образом: подготовить и принять Закон о казачестве в Российской Федерации. Но он должен содержать, как обязательное условие, следующие определяющие понятия и направления, без которых будет очередной «концепцией»:

1. Казачество должно быть определено как «военно-патриотическое общественное объединение граждан» или как «общественная организация с военизированным характером деятельности». Это определение должно стать одним из краеугольных камней, основой организации. Тогда ношение, в принципе, военной формы казаками будет раз и навсегда узаконено, и члены других общественных организаций типа «любителей пива или собак- бабочек» потеряют основание показывать на казаков пальцем и возмущаться, почему те носят форму, а они нет.

2. Все казаки России, независимо от места проживания, должны входить в единую организационную структуру, например, «Союз казаков России». Почему «казаков», а не «войск»? Потому что в правовом плане эта общественная организация объединяет всех ее членов, а не структурные звенья. Пример. В Советском Союзе, хотя и состоявшем структурно из союзных республик, каждый его житель был гражданином Союза, а не конкретной республики. Это одновременно объединяло и возвышало. В техническом или организационном плане необходимо сделать так, чтобы небольшие группы казаков, в виде «землячеств» и т.п., входили только в состав тех или иных войск, не выходя напрямую на высшую казачью власть, во-первых, не «засоряя» управленческое пространство, во-вторых, поскольку сами они ничего не решают, – значит, самостоятельными просто не могут быть.

3. Верховным Атаманом Российского казачества должен быть в идеале глава государства, и не как Президент, а как Верховный главнокомандующий. Тогда и место казачеству найдется, и функции быстрее распределятся. Чтобы при этом казачество не превратилось в опричнину при Президенте, его можно было бы без особых проблем привязать к какому-то не чисто военному, как Минобороны, а к военизированному ведомству, например, министерству по чрезвычайным ситуациям. Там сегодня энергичный и инициативный министр, он быстро бы нашел, чем казакам заниматься в его ведомстве. Через основное министерство, или напрямую, можно бы наладить связи с другими ведомствами – ФСБ, в плане пограничной службы, МВД, МПС. Это уже детали. Главное – указать для казачества военизированный стержень, нормативно и организационно на этот стержень можно будет нанизывать все остальные вопросы. И ни на кого не оглядываться, типа «что скажет Запад» и т.п. Нам, России, так надо, а кому не нравится – это их дело.

Как вариант, можно Верховным Атаманом назначать и руководителя того министерства, куда казачество будет приписано, но лучше все же, если бы Верховным был действительно Верховный, т.е. глава государства. Это уже было в нашей истории, а лучшее из прошлого надо использовать и сегодня. Россия, все-таки.

4. Вопросы казачьего землепользования. Это очень важный вопрос, но и его можно

решить цивилизованным путем, не в ущерб кому-то из других слоев населения. Отличительной чертой казачьего землепользования должны стать не прежние казачьи довольно солидные наделы. Для казаков сегодня надо вводить общинное земельное пользование, с определением четких условий пользования наделами и установлением единого льготного натурального налога. Прозрачного, постоянного и выполнимого. С высоты своих лет могу с уверенностью заявить: на нашей земле из всего-всего, что было в XX веке, можно выделить два самых значимых действия (по земле). Первое: хорошее через плохое, второе: плохое через хорошее.

Первое: через кровь, пот и слезы, репрессии, ссылки и тюрьмы в период коллективизации мы получили супероснову для развития сельского хозяйства – большие многогектарные поля, на которых можно использовать любую самую современную технику и технологии. Эти поля стали главной основой для будущего нашего АПК, они вызывали понятную зависть у западных аграриев, которые понимали, что таких полей в масштабе целой страны у них не будет никогда, так как, чтобы их иметь, нужны революции, коллективизация, репрессии и все, что с этим связано, а этого у них уже не случится. Поэтому, например в той же Индии, где хорошая земля, много воды и тепла, где можно получать по 2-3 урожая в год, систематически не хватает продуктов питания. А главная причина в том, что у них не поля, а клочки по 0,5-1,5 га, где, кроме как на волах, не развернешься и технику не применишь.

В советское время мы по разным причинам не воспользовались этим преимуществом в АПК. А в период перестройки у нас выбили и этот козырь. Сложившаяся ситуация продолжается и до сих пор. Наше село получило обратный удар, мы называем его здесь – второе действие, добившее наш АПК окончательно. Это внезапные так называемые «реформы» в агросекторе, грубо навязанные извне различными структурами, фондами и т.п. В контексте с развалом союзного государства шло целенаправленное уничтожение нашего продовольственного комплекса. В цепи этих реформ главным звеном было распаивание земли, в первую очередь, сельхозугодий. Беспеременно западные эмиссары и наши, явно проплаченные кем-то, пропагандисты пускали крестьянам пыль в глаза – и фермером станешь, и землю продашь, и кредит – на тебе, и т.д. В селе был посеян хаос, уже никто ничем не занимался, поделенные на имущественные паи производственные мощности и техника были растащены или уничтожены, а земля разорвана на клочки, чтобы мы никогда уже не смогли поднять село. Цель – лишить Россию продовольственной безопасности – была достигнута, причем нашими же руками.

Те, чуждые нам, реформы в АПК, можно образно сравнить с каким-то состязанием. К примеру, идет жизнь – гонка, каждая страна выступает на своей марке машины. Одна – на «Феррари», кто на «Форде», «Пежо», а мы – на старом «Москвиче». И так еле двигались, а тут еще какие-то судьи нас останавливают и в приказном порядке (а то снимут с гонки) заставляют делать реконструкцию нашему «Москвичу», при этом предлагая запасные части от разных марок машин. Нечто подобное нас заставили сделать со своим селом. И львиная доля вины – на власти. Советская долгие годы занималась экспериментами, «перестроечная» – болтологией, российская в первое десятилетие – вообще ничем. И еще, как следствие: распаиванием и всеми сопутствующими этому действиями мы породили самую грязную и неуправляемую земельную мафию, почти во всех регионах. Государство само стало заложником земельной ситуации, отдав ее на откуп и потом получив головную боль и ненужные колоссальные дополнительные затраты по возникающим государственным земельным нуждам.

В общем, ситуация труднообъяснимая: сперва бесплатно роздали землю, теперь обратно ее выкупаем, но уже по ценам, которые диктует вылепленный нами же хозяин. И такое может быть только у нас.

Столь пространное объяснение ситуации с землей в этом материале появилось лишь потому, что казачьим общинам придется придать землю, а где нет резерва, то и прикупить по госцене уже самому государству. Затем, пользуясь тем, что паи пока в основном

обезличены, сделать так, чтобы общинная земля была максимально собрана в одном месте. При этом земля общине выделяется государством в долгосрочное (50-100 лет) пользование, а все вопросы землепользования внутри общины – прерогатива самой общины. И с государством земельными отношениями, условиями землепользования, налогами и т.п., занимается только община. Ничьи интересы при этом не ущемляются, имеется в виду казацкое население. Все проблемы можно при желании казаков и власти разрешить по-доброму.

5. Так же решаемы вопросы казацкого самоуправления в территориально-административном плане. В местах компактного проживания казаков было бы лучше, если главы казацких общин (атаманы), по крайней мере на первичном уровне (хутор-село-станица), были бы и главами местных администраций. А в тех районах, где казаки не составляют большинство населения, они с администрацией найдут необходимый контакт. Особенно, если будет принят Закон о казачестве, если казаки примкнут (на договорной основе или напрямую по контрактам) к какой-то серьезной структуре, да возглавлять казачество будет всенародно избранный голова, тогда на всех уровнях власти к казакам будет совсем другое отношение. Но, повторяю, нужен Закон, а в нем перечисленные выше условия:

- казачество – военно-патриотическая общественная организация;
- Верховный Атаман – Верховный главнокомандующий;
- казачество прямо или косвенно связано с одним из военизированных государственных ведомств;
- казацким общинам выделяют землю по сложившимся в регионе средним паевым нормам цельным массивом, без ущемления прав других граждан.

Это основа, скелет взаимоотношений казачества с российской властью. Эти пункты обязательно должны быть оговорены в Законе. Все остальные вопросы, сколько бы их не появилось, – производные от этих главных. Казацкие войска структурно будут жить по казацким уставам и правилам, соблюдая свои обряды и традиции, но, начиная от атамана войска и вверх, должны действовать оговоренные в законе предложенные выше условия. В противном случае, поверьте жизненному опыту автора, ничего у нас в России с казачеством по-прежнему не получится. Ни с реестрами казацкими, ни без таковых. Чисто общественным казачество не может быть по определению, а если казаки почувствуют, что не нужны государству, то вся эта аморфная организованность просто рухнет, на радость недругам России.

Пока все идет неправильно.

В прежние века власть российская ходила, искала казаков, то наказывала, то обласкивала, и, наконец, нашла с ними общий язык для общей государственной пользы. Получилось неплохо.

В наше время уже 20 лет казаки, наоборот, ищут подходы к власти, предлагая свои услуги...

Что же мы получим в итоге, если нынешняя российская власть повернется к казачеству лицом и поверит ему?

– Государство получает в распоряжение мощную, слаженную, организованную, удачно расселенную по границам военизированную структуру; ее не надо вербовать, переселять, обустривать и трудоустривать. Она уже веками сложилась и определилась. Надо признать ее право быть тем, кем она желает быть, постараться сблизить ее интересы с интересами государства, может, чем-то помочь – это будет гораздо дешевле и надежней, чем готовить что-то взамен.

– Государство получает проверенную временем систему подготовки, даже не подготовки, а выращивания призывной молодежи, для всех родов войск и, в первую очередь, для того ведомства, к которому казачество будет примкнuto.

– Государство получает образцовую систему общественного порядка на территориях казацких войск.

- Государство получает смену приоритетов, вытеснение криминала из армии и других вооруженных формирований. Казачьи отделения, взводы и другие подразделения, укомплектованные казаками, тем более земляками, исключают такие явления как «дедовщина» и т.п.
- Будет обеспечено рациональное использование выделенной казачьим общинам земли, и улучшится обеспечение регионов продовольствием, причем, не только казачьих.
- На примере казачьего самоуправления упорядочится система всей иерархии власти в стране, в основе которой должна быть истинная демократия в разумной увязке с единоначалием.
- Государство получает гарантированный резерв для беспроblemного призыва на контрактной основе в любые военные или военизированные ведомства, в периоды демографических срывов или при других форс-мажорных условиях, включая различные сборы.
- Государство получает развитие народных промыслов, редких производств, племенного, спортивного и хозяйственного коневодства с выходом на международные рынки.
- Государство получает яркую демонстрацию, не показушную, а обоснованную, образа жизни российского казачества, – как пример для других регионов, с целью пропагандирования и внедрения лучших приемов, обрядов и традиций.
- Произойдет расцвет самобытной казачьей культуры и искусства, спортивно-оздоровительной и духовной жизни в казачьих регионах. Это неизбежно, если только казаки почувствуют к себе интерес и понимание власти, ощутят настоящее, нормативное и в то же время сознательное внимание власти к казачеству на уровне национальных проектов; казачество в ответ на это станет опорным национальным стержнем государства российского.

По моему мнению, в нынешней ситуации в России против казачества, как определенного идейного стержня, могут выступать только те люди, неважно – обыватели, бизнесмены или представители любой ветви власти, кто против укрепления России, как государства, и кто думает только о сегодняшнем дне или только о себе лично.

По правде говоря, я решился высказать такое, может, слишком открытое, мнение о месте казачества в нынешнем российском обществе и о том, что можно и нужно предпринять для налаживания долговременных рабочих взаимоотношений власти и российского казачества, по причине того, что сегодня России повезло. Действительно, России повезло, что высший руководящий «тандем» – Президент и Премьер-министр – ведут целенаправленную, полезную для России государственную политику, а главное – перспективную. В то время, когда отдельные соседи грызутся за власть, лишь бы там пробыть хоть мгновение, лишь бы что-то урвать себе, наши руководители ни на кого не оглядываются, а всматриваются в убогие пока бескрайние просторы России и стараются все время сделать что-то лучше. Хочется надеяться, их внимание привлечет и такая обыденная, но очень важная для государства линия, как отношение к казачеству. Не «концептуальное», а практическое, прикладное.

Наверняка, если бы высшие руководители получили от тех, кому положено, объективную и объемную информацию, они бы соответственно отреагировали, и что-то бы изменилось – как в отношении казачества, так и в отношении к казачеству.

Появились бы и нормативная база, и многое другое полезное. Ведь и во главе палат Федерального собрания – Совета Федерации и Государственной Думы – тоже стоят истинные российские государственники, но надо же кому-то дать толчок, импульс! Ведь потеряем казачество – потеряем то, что осталось истинно российского, а этого допустить нельзя ни в коем случае.

Черноморское казачье войско, которое я имею честь представлять, воссоздано в декабре 1991 года, в Приднестровье, на месте, где в 1788 году было образовано Войско Верных Казаков (позже – Черноморское Казачье Войско). Я родился в селе Слободзея (ныне

город), где в конце 18 века находился «кош» (правление) указанного войска и являюсь потомственным казаком-черноморцем (скорее – запорожцем), так как основную массу созданного тогда Войска верных казаков составляли именно казаки-запорожцы. Возрождение Черноморского Казачьего Войска в 1991 году явилось следствием распада Советского Союза и резкого обострения отношений между объявившей себя независимой Молдовой с прорумынской ориентацией во всем, включая государственный язык, и образованной волею населения левобережья Днестра (в границах МССР) – Приднестровской Молдавской Республикой. Потомственные казаки Приднестровья и сочувствующие им, собрались на Большой сход 17 декабря 1991 года и объявили о возрождении Черноморского Казачьего Войска. С тех пор наше Войско функционирует и является структурной единицей Союза Казаков России. Главной задачей войска с первого дня возрождения - стала защита Приднестровья и нового государственного образования (ПМР) от военных посягательств республики Молдова на ее (ПМР) территорию, которые к лету 1992 года переросли в вооруженную агрессию или открытую войну. Мне, как непосредственному участнику возрождения ЧКВ, члену оргкомитета и первому кошевому атаману Войска, а также всему первичному руководству ЧКВ было понятно, что мы нужны новой власти как ее защитники. В тоже время и нам нужна была власть для защиты наших семей и интересов всего населения Приднестровья. Казаки не подвели власть в военных событиях 1992 года и вписали навсегда свои имена в историю ПМР. Взаимная нужность (власти ПМР и казаков ЧКВ) отразилась во всех взаимоотношениях между ними, закрепленных в законе «О казачестве в ПМР», принятом в конце 2000 года, первым среди всех казачьих Войск России. Мне довелось быть основным автором и инициатором принятия этого Закона, поэтому хочу обратить внимание на тот факт, что согласно статьи 1 Закона- «Казачество в Приднестровской Молдавской Республике выступает в виде общественного движения с военизированным характером деятельности». И еще, в статье 4 (там же) – «Единую политику по отношению к казачеству определяет Президент приднестровской Молдавской Республики».

На этих двух определяющих нормативных положениях и базируются взаимоотношения казачества и власти в ПМР. Понятно, что эти «взаимоотношения» в Приднестровье, в принципе, не «казачьем» краю, еще далеки от совершенства, но они являются базой для их развития в будущем. Поэтому мною и предложено выше определиться с казачеством в России, как с общественной организацией с военизированным характером деятельности. Это, во-первых решило бы многие вопросы взаимоотношений казачества и власти, во-вторых, раз и навсегда определило бы место казачества в структуре российского общества, а в третьих... Коль уж структурное подразделение Союза Казаков России – Черноморское Казачье Войско 10 лет уже имеет статус «военизированного» по закону, то почему бы и казачеству всей Великой России не иметь такого статуса?!

---=---